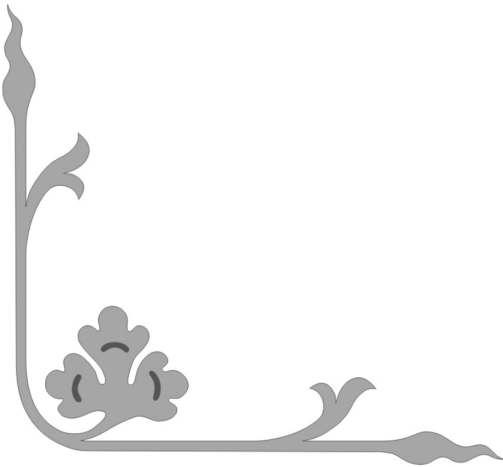

Свадебная обрядность тюркских народов XIX в.

В свадебных обрядах ногайских и оренбургских татар инициатива в выборе невесты для молодого парня принадлежала по обычаю его родителям. Женильба против воли родителей считалась большим грехом. Свадьба начиналась со сговора. Он бывал за два-три года до свадьбы. Сговариваться к родителям невесты ходили обыкновенно сваты, которыми были преимущественно мужчины. Если у жениха был родной отец, то он шел сватом, за отсутствием его — старший брат или кто-нибудь из старших родственников-мужчин. В крайнем случае сватовством занималась мать жениха или его старшая сестра.

Родители невесты, получив предложение о браке с их дочерью, для решения вопроса собирали иногда всех своих родственников на семейный совет. Главный вопрос, который решался на сговоре, — это вопрос о калыме, т. е. о приданом, которое жених дает невесте. Размер такого приданого простирался от 100 до 1 000 рублей. Оно уплачивалось всегда до свадьбы, и цифра его заносилась в книгу муллой на случай каких-либо недоразумений между супругами.

Ногайцы различали три категории свадебных расходов жениха: собственно калым, т. е. приданое в виде вещей, выдающееся на руки родителям невесты; свадебное угощение и денежный подарок.

Собственно калым заготавливался родителями жениха за некоторое время до свадьбы и выдавалось невесте в готовом виде или же уплачивалось скотом. Сюда входили белье, платья, обувь, постельные принадлежности. Свадебное угощение выдавалось в виде провизии, из которой родственники невесты изготовляли свадебные блюда, или в виде живого скота. Денежный подарок давался или самой невесте вместе с калымом в количестве 30-40 рублей, причем все, приобретенное на эти деньги, считалось неотъемлемой собственностью невесты и не отбиралось у нее даже в случае развода, или разда-

вался женихом родственникам невесты во время самой свадьбы по 1 рублю или по 50 копеек каждому.

По окончании переговоров на сговор к общему удовольствию отец жениха или тот, кто его заменял, дарил невесте в виде задатка платок. Невеста или ее родители иногда одаривали жениха ценными подарками.

У оренбургских татар весь калым целиком без всяких подразделений выдавался родителям невесты деньгами.

Хотя у магометан считалось официально, что жених не видит своей невесты в лицо до совершения свадебного обряда, на самом деле этого не бывало даже у татар, где сравнительно строже наблюдалось затворничество женщины и отчуждение полов. Всегда была возможность увидеть свою невесту украдкой через окно с улицы или как-либо иначе. У ногайцев же жених перед свадьбой всегда мог устроить себе свидание с невестой, если обращался для этого к ее родственникам. Свидание совершалось тайно или, по крайней мере, должна была быть соблюдена кажущаяся тайна. Это обыкновенно бывало ночью. Невеста являлась в назначенное место в сопровождении своих родственников с непокрытым лицом.

У оренбургских ногайцев, где девушки ходили с непокрытым лицом, отношение между полами было гораздо более свободно, так что в подобном свидании не представлялось никакой надобности. Однако и у них перед свадьбой тайно от муллы и стариков устраивалась вечеринка, называемая «булыш». На вечеринку приходили жених со своими товарищами и невеста с подругами. Когда все участвующие собирались, один парень вставал и приглашал присутствующих парней сделать складчину на угощение, а потом обходил их с шапкой, в которую каждый кидал деньги, сколько может. Затем на собранный таким образом капитал закупалось все, что нужно для угощения, не исключая и водки, и начиналась вечеринка с танцами. Жених и невеста должны были первыми начать танцы, которые потом продолжались всю ночь. Свадьбы у ногайцев могли

совершаться круглый год, кроме поста, ураза-ай, но чаще всего они бывали весной и осенью. Начиналась свадьба преимущественно в среду или четверг.

Свадебные торжества продолжались у ногайцев от одного до пяти дней. Само венчание или, точнее, официальное заключение муллой свадебного договора совершалось у оренбургских ногайцев и татар на первый день свадьбы утром, а у астраханских — на третий день вечером. Венчание происходило всегда в доме невесты. Мулла и азанчей или прямо приходили туда и посылали к жениху и невесте узнать их согласие на брак, или предварительно собирались у жениха и оттуда шли вместе с его родственниками в дом невесты.

В этом последнем случае родственники невесты встречали приехавших залпом из ружей, на что поезд жениха отвечал тем же.

Когда было получено согласие брачующихся и их родителей, зажигалось две свечи. Мулла читал, что такие-то венчаются и калыму дается столько-то, и в заключение произносил молитву.

Свадебные торжества заключались в том, что родственники жениха и невесты собирались то в доме жениха, то в доме невесты и там угощались. Вечеринки для молодежи обоего пола начинались часов с девяти вечера. Парни садились по одной стене хаты или кибитки, девушки по другой. Два парня выходили на середину и танцевали под гармонику, на которой играли девушки. Затем выходили две девушки и танцевали под песни парней и аккомпанемент балалайки (домбры). Потом снова танцевали парни и т. д. Девушки, присутствовавшие на вечеринке, прикрывали свои лица большим платком красного цвета, который служил одновременно для двух, трех и даже шести девушек.

Разговоры между парнями и девушками считались греховными и неприличными: разговаривать могли только парни с парнями, а девушки с девушками. На вечеринках обязательно присутствовали жених или невеста, смотря по тому, в чьем доме происходила вечеринка. Если в доме жениха, то присут-

твовал жених, если в доме невесты, то невеста, но разом оба не бывали. Впрочем, хотя они и присутствовали, но в танцах, музыке и в песнях участия не принимали.

На свадьбах оренбургских ногайцев и татар обязательной принадлежностью свадебного обряда считалось пение баида. Под баидом подразумеваются стихотворения с напевами на современные темы. Баид ни у татар, ни у ногайцев никогда не смешивался с песней. Песни пел почти всякий татарин или ногаец, баид же главным образом был известен только особым специалистам — баидче.

У оренбургских ногайцев баид играл на свадьбе весьма почетную роль: семейства жениха и невесты приглашали из своих родственников и знакомых по пять-шесть баидче. Вечером в день свадьбы обе партии баидче становились во дворе одна против другой и состязались поочередно в пении в присутствии всех участвующих на свадьбе. Победителем считалась та сторона, которая перепевала другую.

У оренбургских татар баид хотя тоже исполнялся на свадьбе, но уже не при такой обстановке. Специалисты баидче здесь не нанимались, а со стороны невесты их не было вовсе. Баид пели грамотные баидче из родственников жениха в то время, когда он вместе с ними и со своими холостыми приятелям ехал к невесте. Исполнение баида перемежалось с выстрелами из ружей и револьверов, раздающимися с экипажей на протяжении всей дороги. Если баиды, которые при этом пелись, были длинные, а дорога до невесты коротка, то жениха возили нарочно из одного конца деревни до другого, пока баид не был окончен.

Являясь в дом невесты, жених привозил с собой угощение для нее и ее родных. У оренбургских татар все это угощение складывалось в особый сундук, который привозил старший брат жениха или один из его родственников. У красноярских ногайцев жених приходил в дом невесты на второй день свадьбы, после скачек, около полуночи и приносил с собой водку (в бочонке),

семечки, пряники, кишмиш и прочее и угощал родственников невесты.

Когда жених в первый раз оставался с невестой наедине, он приветствовал ее словами: «Исәнме-саумы», а она ему отвечала: «Аллага шөкер, сау». Затем невеста должна была развязать у жениха пояс, что она, конечно, делала не без смущения. Чтобы еще больше увеличить ее смущение, сшивались нарочно два кушака концами вместе и один конец завертывался прямо на нижний халат, а другой продевали в рукав верхнего халата или прибегали еще к какой-нибудь подобной хитрости, чтобы затруднить развязывание кушака.

У оренбургских ногайцев жених проводил с невестой первую брачную ночь в ее доме и на другой день ходил с ней в баню так, чтобы никто этого не видел. После этого две недели они никуда не выходили из дома, и никто их не видел.

У оренбургских татар первая брачная ночь проводилась также в доме невесты, и молодые первые четыре дня ходили по вечерам в баню. Помывшись в бане, жених всякий раз оставлял там рубль или полтора в пользу той родственницы невесты, которая топила баню. Положить эти деньги он старался так, чтобы их было трудно найти, что делалось ради шутки. Целую неделю молодые никуда не выходили из дома. В это время молодого приходили поздравлять его родственники и холостые товарищи. Он дарил им перчатки, ручки и прочее, а они оставляли на столе деньги.

У царевских ногайцев первая брачная ночь проводилась в доме жениха. На четвертый день свадьбы парни, товарищи жениха, собирали между собой в складчину деньги и на них угощали жениха и невесту целый день часов до семи-восьми вечера, после чего уже наступала свадебная ночь. На следующий день их вели показывать всем родным.

По окончании двухнедельного брачного заключения молодых у оренбургских ногайцев наступал обряд «здорованья» жениха с тестем и тещей. При этом молодые получали в подарок от тестя козу, овцу или корову, после

чего жених возвращался к себе домой, а невеста оставалась у своих родителей еще на одну, две или три недели, причем муж посещал ее только по праздникам. По окончании этого срока молодые переходили в дом мужа.

У красноярских ногайцев после трехдневного заключения молодую одевали в костюм замужней женщины, и жених вел ее в свой дом.

У оренбургских ногайцев заключение молодых продолжалось только неделю. После этого младший брат молодого приезжал за ним в экипаже и увозил домой, потом снова посылали экипаж за молодой, и, когда она приезжала, свекор выводил во двор какую-нибудь скотину, которую он ей дарил. В ответ на это молодая надевала на скотину ручник, платок или рубашку, которые поступали в подарок тому, кто выводил скотину во двор. После этого молодых угощали, и они возвращались на ночь к родителям невесты. Большинство мужей оставлялись жить у тестя от трех месяцев до одного года, иные же до двух лет. Делалось это в вознаграждение за калым. В течение этого срока муж кормился и ночевал у тестя, а работать ходил домой. Даже если бы он вздумал развестись с женой на другой день после свадьбы, что ему позволялось обычаем, то и тогда он имел право кормиться у тестя до трех месяцев. Разведенная же жена раньше этого срока не могла снова выйти замуж.

У оренбургских ногайцев, если женился вдовец или уже женатый, на второй жене или на третьей, то у тестя он оставался только на два-три дня, а затем возвращался домой¹.

У астраханских ногайцев существовал интересный обычай проводить во время свадьбы скачки.

На второй день свадьбы к невесте являлся отец жениха и приносил с собой штук 15 платков, которые были в виде призов состязавшимся в скачках. Собирались там же 20-30 молодых джигитов, желающих состязаться на лошадях верхом. Отец жениха брал один из принесенных платков и давал одному из состязавшихся парней. Последний

скакал со своей добычей, держа платок за один конец в вытянутой правой руке. Все остальные парни скакали вслед за ним и старались вырвать платок из его рук. За тем парнем, которому удавалось вырвать платок, бросались все остальные и т. д. до тех пор, пока кому-нибудь не посчастливится ускакать с платком, который и становился для него наградой. Та же история повторялась со вторым платком, с третьим и т. д.²

Интересные свадебные обряды существовали у горских народов. В чем-то они совпадали с традиционными свадебными обрядами других мусульманских народов, а в чем-то, конечно, имели свои особенности. Так, например, горская свадьба продолжалась три дня — в субботу, воскресенье, понедельник.

В доме невесты устраивались девичники, где собиралась сельская молодежь. В песнях девушек выражалась печаль по подруге, которая покидает отцовский дом, любимых подруг.

Во время исполнения религиозного обряда бракосочетания положено было открыть все замки в доме. В этот момент нельзя было завязывать узлы, держать кулак зажатым, сцеплять пальцы обеих рук. Существовал определенный порядок бракосочетания, во время которого посередине комнаты ставили маленький кувшин с водой. Представители с каждой стороны должны были сидеть, вытянув ноги вперед, а на коленях в раскрытом виде держать руки. При чтении молитвы представители должны были приложить большие пальцы к горловине кувшина. При этом палец представителя жениха должен был располагаться выше, что означало главенство мужа в семье. После первой брачной ночи молодые использовали эту воду для купания.

В день свадьбы, как правило, жених уходил в дом одного из ближайших родственников по отцу. Там он веселился вместе с друзьями. Только глубокой ночью его приводили к невесте, за что он одаривал сопровождающего приготовленными невестой подарками. Рано утром жених должен был уйти из дома, где находился вчера.

По горским обычаям свадебный поезд, в который входило строго определенное количество людей, составлялся задолго до дня свадьбы. Возглавлял это шествие один из самых уважаемых и в то же время нравственно подготовленных гостей. В одних аулах за невестой ездили все на конях, совершали одновременно конные скачки как привлекательное спортивное зрелище, в других — шли пешком, в третьих — на повозках, в некоторых комбинировали различные формы. Руководитель шествия выстрелом из ружья сообщал о начале движения, о подходе к дому невесты, о начале обратного движения и прибытии к дому жениха, где требовал от хозяев свадьбы выкупа за невесту подарками и продуктами.

Когда невесту собирали в путь, подруги пели обрядовые песни, а прибывшие за невестой благодарили сторону невесты за то, что они дарят им красивую девушку и своевременно провожают в путь. Невеста плакала, что символизировало ее печаль при расставании с родительским домом и родными. Ее выводил из дома один из ближайших родственников (отец, дядя, брат). Вслед за ней одна из родственниц вылиwała чистую воду. В дом жениха невесту сопровождала одна из родственниц (как правило, жена дяди), у которой благополучно сложилась семейная жизнь. На всем пути следования в свадебном поезде в оба конца одна из сестер или родственниц жениха несла зажженную лампу, а другая — зеркало, которые, как и вода, символизировали светлую, удачную жизнь с чистыми помыслами. Вечером первого дня сопровождающая невесту открывала все сундуки, показывала родственникам жениха приданое и подарки, которые рассматривали их весьма придирчиво и критично.

Над воротами дома мать жениха ждала будущую сноху, кидала на ее голову куски сахара и муку, зерна риса или пшеницы, которые символизировали светлую, сладкую, обеспеченную жизнь молодоженам. Невесту отводили в общую комнату, к ней сажали на колени мальчика из семьи отдаленного родственника, что символизировало

желание всех, чтобы она скорее родила мальчика.

Есть еще один важный обычай, который встречается почти у всех кавказских горцев, но с некоторыми специфическими особенностями. Это первый выход невесты к роднику. Этот обычай совершали через 3-6 дней, в зависимости от того, как было принято в данной местности.

Свадебные сроки у кавказских горцев имели определенные ограничения. В месяц рамазан, когда все должны были держать пост уразу, мусульманская религия запрещала оформление брачных отношений. Свадьбы не проводились во время сезонных работ, а также зимой, чтобы не доставлять лишние хлопоты многочисленным гостям. Предусмотрены были, как удачные, специальные дни недели: вторник, четверг, пятница, суббота.

В комплекс многочисленных свадебных обрядов кавказских горцев входили различные спортивные мероприятия развлекательного характера, которые должны были свидетельствовать о высоком физическом развитии и спортивном мастерстве жениха, невесты и всей молодежи.

Конные скачки, борьба и другие спортивные состязания широко практиковались на свадебных торжествах у всех горских народов³.

Сравнительный анализ свадебных церемоний народов Средней Азии и Казахстана позволяет наметить две основные группы и выделить характерные черты каждой из них. Один из обрядовых комплексов связывается с тюркоязычными народами Средней Азии и Казахстана, в хозяйстве которых в прошлом наиболее значительная роль принадлежала скотоводству. Это казахи, киргизы, та часть узбеков, которая характеризовалась полукочевым бытом и сохранением пережитков родо-племенной структуры, а также каракалпаки, в хозяйстве которых земледелие играло большую роль, чем в хозяйстве других народов этой группы.

Другой комплекс выражает особенности свадебных обрядов тех среднеазиатских народов, у которых пре-

обладающим видом хозяйственной деятельности было земледелие. Это ираноязычные таджики и узбеки. Признаками этого комплекса характеризуется и свадебный обряд персов — родственного таджикам народа.

Также следует отметить, что каждая из названных групп обрядов содержит в себе те или иные элементы другой. Это объясняется сложностью этногенеза и истории всех названных выше народов. Поэтому при определении каждого обрядового комплекса имело значение прежде всего преимущественное преобладание тех или иных характерных особенностей. Наиболее ярким признаком, по которому можно определить, к какому из комплексов тяготеет данный свадебный цикл, являются обычаи и обряды, отражающие пережиточные формы религиозных представлений древности — тенгрианство. Канонизированные ритуалы поздних религий, в частности ислама, господствовавшего у всех народов Средней Азии и Казахстана, не дают такой возможности. Их ритуалы носят достаточно отвлеченный характер и отличаются единообразием формы у всех народов, исповедующих данную религию, вне связи и особенностей их культурно-хозяйственного облика и этнической истории.

Свадебный цикл казахов распадается на следующие этапы:

1. Сватовство-сговор. Официальный визит сватовства, церемонию которого проводили мужчины во главе с отцом молодого человека, сопровождался переговорами о размерах калыма и завершался закланием белого барана и прочтением над ним молитвы, вкушением свадебных ритуальных блюд, а также вручением сватам подарков. На этапе сватовства, сопровождавшегося пиршеством с обильным угощением и традиционными развлечениями (скачки, соревнование в пении, игра на музыкальных инструментах), обращает на себя внимание обычай «куда тартыс» (теребить сватов), когда аульные женщины допускали всевозможные выходки по отношению к сватам.

2. Период «тайных» свиданий жениха и невесты, открывавшийся специ-

альным праздником, устраиваемым отцом невесты. В свите жениха, ехавшего на свидание с невестой, были певец, шутники и остряки.

В церемониале этого праздника соблюдался обычай «бегства» невесты в другой аул, где происходили состязания в пении между девушками и юношами, велась шуточная борьба за невесту между ее одноаульцами и стороной, защищающей интересы жениха. Заканчивалась эта борьба тем, что невесту на ковре уносили в юрту ее отца и сажали за занавес, куда приводили и жениха. Совершался обряд приобщения жениха к домашнему очагу дома невесты, когда он лил сало или масло в горящий очаг для умиловливания предков дома. Его осыпали обрядовым печенем, сушеными фруктами, орехами и очищали огнем.

Прежде чем состоится свидание жениха и невесты, жениху приходилось отдать установленные обычаем выкупы — подарки деньгами, вещами или скотом. Эти выкупы сопровождали все течение свадебных церемоний.

3. Собственно свадьба состояла из пиршества в доме невесты, церемонии перевоза молодой в дом мужа и пиршества в нем, содержавшего меньшее количество обрядов, чем торжество в доме невесты.

Основные обряды, происходящие в ауле невесты, были теми же, что и на празднике периода «тайных» свиданий (т. е. «бегство» невесты, соревнование в пении молодежи, перетягивание; из развлечений — скачки и др.), но в разных местах последовательность их могла быть иной. Новым моментом здесь является мусульманский обряд бракосочетания, прием новобрачного отцом его жены и обряд прощания новобрачной с родственниками, которых она посещала, а те делали ей подарки.

Главным объектом магических действий являлось все, что имело отношение к барану (печень, сало, мясо, особенно грудинка, кости, шкура, кошма из бараньей шерсти). На втором месте было обрядовое печенье, сушеные фрукты, орехи. Из обрядов и обычаев, связанных с религиозными представ-

лениями, обязателен был обряд приобщения к домашнему очагу и очищения огнем. Магические обряды, направленные на то, чтобы способствовать верности слову, счастью, достатку, появлению многочисленного потомства, довольно однообразны и бедны средствами выражения. Характерным видом свадебных развлечений являются конная игра с козлом, конная игра с участием невесты и скачки.

Поскольку данный обрядовый комплекс с наименьшими отклонениями встречается у казахов, в основе этногенеза которых лежит кипчакский пласт, по своей социальной характеристике соответствующий эпохе разложения материнских порядков и победы патриархата, можно предположить, что этот комплекс исторически складывался именно в кипчакской этнической среде. Меньшая чистота комплекса, большее количество иных культурных черт в свадебных обрядах у других народов этой группы объясняется меньшей долей участия кипчакского элемента в их сложении, что подтверждается исторически.

В решении вопросов брака у таджиков и узбеков большая роль принадлежала членам сельской или городской квартальной общины. В городских условиях не было добрачных «тайных свиданий» жениха и невесты, был обычай проверки целомудрия невесты. Здесь почти полностью отсутствовали обрядовые игры, отражающие ранние семейно-брачные порядки. Период переговоров о вступлении в брак, как правило, делился на три этапа: сватовство, сговор и помолвку. Договор скреплялся обрядом преломления хлеба и иногда вкушением сладостей. Из предсвадебных церемоний характерны были девичник и собрание сверстников жениха, имеющие свой особый ритуал. Мать невесты никогда не сопровождала дочь в момент ее переезда в дом мужа.

В обрядовых действиях, в их материальном выражении изобилуют символы древнеземледельческих религиозных ритуалов тенгрианства — домусульманской Средней и Передней Азии, среди которых особенно харак-

терны плоды граната, вареные яйца, фисташки, виноградное сусло, мед, сахар, сладкий чай, мука, обрядовое печенье, хлеб. Этому же комплексу присущи некоторые специфические проявления магической практики, как-то: осыпание сладостями и монетами, дарение драгоценностей невесте, смотрение в зеркало, окуривание дымом особых трав. Магическое значение имело посещение бани, окрашивание ногтей хной, обычай брить голову жениха и мыть голову невесте, белый цвет одежды брачующихся, белый платок, даримый матерью невесты в знак согласия на брак, очистительный огонь, факельное шествие при переезде невесты в дом жениха, зажженные светильники во время ответственных свадебных церемоний, прошивание иглой одежды жениха или невесты. Особенно специфичен для этого комплекса магический обычай сажать ребенка на брачную постель, а среди свадебных развлечений — бои петухов, собак, борьба и выступление артистов с танцевальными и вокальными номерами.

Распространенным явлением у коренных народов Саяно-Алтая были чрезвычайно ранние браки. Так, по результатам переписи 1897 г. в Горном Алтае среди взрослых можно видеть и 7-10-летних мальчиков, явившихся на сход в качестве главных представителей семьи. Не исключено, что подобная практика наделения человека социальным статусом задолго до наступления его физической зрелости была обусловлена не только соображениями экономической выгоды и престижа, но и подспудным стремлением сократить время взросления, максимально приблизив момент включения индивида в общественный механизм.

Чаще всего заключение брака приходилось на 15-18-летний возраст. Эта традиция была закреплена соответствующими установлениями обычного права.

Согласно воззрениям традиционного общества, брак имел ключевое значение не только в жизни отдельного человека, но и рода в целом. Он должен был обеспечить благополучие и

непрерывность жизни социума в череде сменяющих друг друга поколений. Поэтому он был сугубо общественным делом. Как известно, у южно-сибирских тюрков браки заключались через сватовство, похищение или отработку. Предоставляя молодому человеку возможность самостоятельного выбора, родственники сохраняли за собою право окончательного решения. Оно определялось целым рядом условий, среди которых основным было — соблюдение принципа экзогамии*.

Приняв решение женить сына, родители выбирали девушку из многодетной семьи, из рода, имевшего хорошую репутацию. Алтайцы, строго придерживавшиеся запрета брать жену из собственного или родственного сеока, предпочтение отдавали сильным и многочисленным родам. Особенно благоприятным считался кузенный брак. Роль дяди по матери на свадьбе племянника была чрезвычайно значительна. Кроме него к подготовке и проведению свадебной церемонии привлекался широкий круг родственников с обеих сторон.

Церемония малдаар сопровождала визит родственников девушки в дом жениха, во время которого они, сообщаясь с реальными возможностями, запрашивали определенное количество скота и получали его, как правило, не торгуясь. При этом отданный за невесту скот считался общим для всех ее родственников. До двух третей животных родители раздавали своим близким. Те в ответ были обязаны участвовать в комплектовании снаряжения невесты, куда входили новая юрта с войлочным покрытием и полная обстановка для нее, домашняя утварь, зимний и летний гардероб замужней женщины, определенное количество скота и т. д. Это имущество составляло пожизненную собственность женщины в семейном хозяйстве. В случае развода она имела право взять его с собой и вернуться в аул родителей.

Следующий обряд был приурочен к подготовке главного торжества. Он за-

ключался в выяснении, какое имущество приготовлено к передаче со стороны невесты. По окончании визита гости угоняли с собой скот, выделенный невесте, и присоединяли его к стаду жениха.

Так, объединяя свои материальные затраты в создании новой семьи, родовые коллективы устанавливали прочные взаимные связи. Поскольку «силы притяжения» в идеале доминировали в отношениях между устанавливающими родственные узы коллективами, то именно в сфере свадебной обрядности проявлялись черты, характеризующие отношения дуально-брачных половин. При этом «обмен ценностями», сопровождавший «передачу» невесты, дополнялся или дублировался «обменом силой». Ритуальное соперничество — состязания, борьба — сопровождало различные этапы традиционной свадьбы, от сговора до послесвадебных визитов.

Согласно свадебному этикету алтайцев, неоднократно изгонялись и даже бывали биты сваты. Поэтому наиболее предприимчивые и дальновидные из них старались явиться в аил родителей невесты с уздечкой, которая делала их неприкосновенными. Символические стычки сопровождали практически весь ход реальной свадьбы. У теленгитов родственники жениха, встречая гостей, кропили их сквашенным молоком. При этом обе стороны старались сорвать друг с друга шапки. Подобные развлечения пронизаны символикой плодородия. Вместе с тем церемониальная борьба и унижение партнера актуализировали мифологическую чуждость, инаковость двух родовых коллективов. Смысл свадебного ритуала и состоял в ее преодолении всеми средствами, включая дарообмен, взаимное угощение и целый ряд символических действий.

Социальное преображение жениха и невесты определяло всю драматургию свадьбы. Их мнимая подростковая неполноценность преодолевалась в ходе ритуальной изоляции, имеющей широкие аналогии в обрядах инициационного цикла. Свадебное импрови-

* Экзогамия — запрет браков в пределах одного коллектива.

зированное жилище, занавес, шаль, пола одежды или любой другой покров делали молодых «невидимыми» для окружающих и служили предметной метафорой смерти рождения. В традиционном сознании, ориентированном на внешний, зримый аспект, символическое или реальное исчезновение из виду приравнялось ко временной смерти. Прежде всего, это касалось невесты, поскольку именно она переходила из одного рода в другой. Вступая под покровительство чуждого ей коллектива, невеста как бы умирала, чтобы тут же возродиться в новом качестве.

Момент ритуальной закрытости невесты особенно подчеркивался в традиционной алтайской свадьбе. Она начиналась с переезда невесты в дом жениха. В почетный эскорт, сопровождавший девушку, входили племянники жениха, которые везли перед ней белый занавес, прикрепленный к двум березкам, срезанным на восточной стороне урочища. Занавес шила сама невеста или родственница жениха, состоящая в счастливом браке. От этой вещи, по представлениям алтайцев, зависело здоровье мужчины и благополучие его семьи.

Скрытую невесту вводили в новый аил и, переодев в костюм замужней женщины (шубу и чегедек), сажали рядом с женихом на белый войлок, расстеленный за очагом на женской половине. Здесь же, за занавеской, с нее снимали украшения, расчесывали волосы и, смочив их молоком, переплетали в две косы. Затем невесте надевали женскую шапку. Лишь обретя законченный облик замужней женщины, она предстала перед своими новыми родственниками. Дядя, племянник, отец либо младший брат жениха рукой, откидывая плети или прикладом ружья откидывал вверх край занавеса, чтобы открыть лицо невесты для всеобщего обозрения. После заплетания кос новообрачной подносили «блюдо невесты». Отведав угощение, она вместе с женихом совершала поклонение огню, одной из родовых святынь. На треножник молодые клали три полоски сала, три раза по солнцу обходили очаг и лили в

него жир. Высоко взметнувшиеся языки пламени были гарантией будущего благополучия.

Подобно тому, как невеста вводилась в дом жениха, он должен был приобщиться к ее ближайшим родственникам. Этому посвящался один из этапов сватовства у теленгитов. Этот обряд, четвертый по счету в ритуале свадьбы, мог совершаться только при получении согласия родителей девушки на брак. Мать невесты подавала ему чашку с жиром, который он выливал в огонь, а чашку прятал за пазуху. По яркости и высоте пламени присутствующие судили о жизни будущей семьи. Затем хозяйка надевала на жениха новую шапку, пояс, шубу, но ни в коем случае не дарила ему обувь.

У большинства тюркоязычных народов Сибири торжества в доме жениха дублировались свадебным пиром в доме невесты. Как правило, он устраивался некоторое время спустя, но иногда — в тот же день. У телеутов угощение в доме жениха завершалось переездом к родителям невесты. Молодые следовали туда с подарками, и в доме отца невесты их ждало большое угощение. Затем они должны были обойти всех родственников, которые также праздновали образование новой семьи.

После свадьбы молодые до пяти-шести месяцев жили у родителей невесты. Затем совершался обряд «возвращение с аилом», когда супруги переезжали к родителям мужа и уже там проводили вторую, «ответную» свадьбу. По другой версии, в старину жених жил у невесты целый год. Ее родители, согласно представлениям окружающих, должны были «узнать характер жениха». Широко распространенный обычай первоначального проживания жениха в доме родителей невесты имел, вероятно, и некоторые экономические основания. Трудовое участие жениха в экономической жизни семьи, взрастившей его жену, понималось как «отработка» невесты.

Свадебная церемония сводилась, по сути, к слиянию жениха и невесты в неразделимое двуединство. У западных тувинцев этот обряд назывался «тух-

теп» (закреплять) и совпадал со вторым этапом свадьбы. В доме родителей девушки молодые сажали рядом на войлок, соединяли и расчесывали концы их кос, заставляли каждого распознать волосы другого. Если жених и невеста угадывали правильно, брак обещал быть счастливым. В противном случае их ожидало незавидное будущее. В верховьях реки Алаш во время расплетения девичьих кос руки молодых (левую руку жениха и правую невесты) связывали шерстяной ниткой. Эта связь, как и сплетение кос, была символом единения брака. Именно после тухтепа становились возможными интимные отношения между молодыми людьми, хотя третий этап свадьбы — перемещение невесты в дом жениха — мог совершиться через достаточно долгое время.

«Видное место в свадебном обряде тюркских народов занимал сосуд для кумыса (саба). В ходе церемонии “собирания сабы” — “свадебного сабантуя”, сводившегося к коллективному угощению, он опосредовал контакт двух семей, установление родственных отношений. Приобщение, по мнению С. Н. Щитовой, к себе имело смысл при-

общения близких невесты к родовому клану жениха. Роль сосуда как представителя семьи проявлялась во время торжества, когда жених собирался увозить невесту. По сообщению Георги, перед расставанием она обнимала “кумысный мешок в родительской юрте... благодарила его, что так долго ее питал” и прикрепляла к нему небольшой подарок. В этой ситуации сосуд словно бы выступал в качестве старшего родственника, дающего пищу, воспитание, жизнь»⁴.

Как в тюркской свадебной традиции в целом, так и в татарской, украшения наделялись особыми свойствами. Их эстетическая и дифференцирующая функции были неразрывно связаны с символикой плодородия.

Эта связь приобретала особую актуальность в свадебной обрядности. Так, например, обмен кольцами был знаком обещания вступить в брак. В тех случаях, когда парень сам находил для себя невесту, он дарил избраннице кольцо. Если девушка была согласна выйти за него, она принимала подарок. Будучи универсальным символом соединения, кольцо закрепляло оформление новых семейно-родственных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Мошков В. А. Мелодии оренбургских и ногойских татар. Введение. Этнографические данные о ногойских и оренбургских татарах // Известия Общества археологии, истории и этнографии. — Казань, 1894. — Т. XII. — Вып. 1. — С. 32-43.
2. Там же. — С. 50-51.
3. Магомедов А. М. Традиции кавказских горцев. Духовно-нравственное воспитание. — Махачкала, 1999. — С. 159-166.
4. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. — Новосибирск, 1988. — С. 133.

Дамир Шарафутдинов,
доктор исторических наук,
Римма Садыкова,
кандидат исторических наук

